

ДЕПАРТАМЕНТ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА
АДМИНИСТРАЦИИ КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ
УПРАВЛЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ СВЯЗЕЙ
И ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
АДМИНИСТРАЦИИ КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ
ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ АРХИТЕКТУРЫ И ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА
АДМИНИСТРАЦИИ КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ
ПОСОЛЬСТВО ШВЕЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ШВЕДЫ И РУССКИЙ СЕВЕР: ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ

(К 210-летию Александра Лаврентьевича Витберга)

Материалы Международного научного симпозиума

1311089

Киров
1997

Примечания

¹ См.: *Bröndstedt Johannes*, *Vikingarna hemma och i härnad*. – Stockholm, 1992; *Г.В. Вернадский*. Древняя Русь. – Тверь. – М., 1996; *Carlsson Albert*. *Stora namnboken*. – Stockholm, 1986; *Ключевский В.О.* Русская история. Полный курс лекций в трех книгах. – М., 1993; *Ottenbjörk Roland*, *Svenska förnamn*. – Stockholm, 1979; *Снисаренко А.Б.* Рыцари удачи. – СПб., 1991; *Славянская мифология*. – М., 1995 и др.

² См.: Снисаренко А.Б. Рыцари удачи. – СПб., 1991. – С. 126.

³ См.: *Ottenbjörk Roland*, *Svenska Förnamn*. – Stockholm, 1979. – С. 97.

⁴ См.: *Carlson Albert*, *Stora namnboken*. – Stockholm, 1986. – С. 87.

⁵ *Коковцев Н.К.* Еврейско-хазарская переписка X в. – Л., 1933.

⁶ Цит. по: *Рыбаков Б.А.* Киевская Русь и русские княжества. – М., 1993. См. разделы “Восточные источники”, “Племенной союз вятичей”.

⁷ См.: *Carlson Albert*, *Stora namnboken*. – Stockholm, 1986. – С. 173.

⁸ См. об этом: *Горюнков С.В.* Незнакомая Древняя Русь. – СПб., 1996.

⁹ *Ohlmarks Ake*, *Alla svenska kungar*. – Stockholm, 1972. – S. 24–25.

БИАРМИЯ И ВЯТСКАЯ ЧУДЬ

В.В. НИЗОВ

г. Киров

В конце IX в. король англосаксов Альфред Великий (872–899 или 901) в дополнении к переводу сочинения Орозия записал рассказ норманского мореплавателя Оттара из Халогаланда о плавании от берегов Северной Норвегии в Белое море. Достигнув его, Оттар подождал “северо-западного ветра и поплыл дальше на восток вдоль побережья столько, сколько смог проплыть за четыре дня. Потом он должен был ждать прямого северного ветра, потому что то ли берег сворачивал прямо на юг, то ли море врзалось в берег – он не знал. И поплыл он оттуда прямо на юг вдоль берега столько, сколько он смог проплыть за пять дней. И там большая река вела внутрь земли. Тогда вошли они в эту реку, но не осмелились плыть по ней, боясь нападения [со стороны местных жителей], ибо земля эта была заселена по одной стороне реки. До этого не встречал он никакой обитаемой земли, с тех пор как покинул родной дом. И на всем его пути была справа от корабля необитаемая земля, если не считать [стоянок] рыбаков, птицеловов и охотников, и все они были финны; а слева от него было открытое море. А бьярмийцы очень густо заселили свою землю; они же не решились на нее ступить. Зато земля *терфиннов* была вся не обитаема, если не считать останавливающихся там охотников или рыбаков, или птицеловов.

Многое поведали ему бьярмийцы как о своей родной земле, так и о

близлежащих землях; но он не знал, насколько правдивы эти рассказы, потому что сам этого не видел. Показалось ему, что и *финны, и бьярмийцы говорят почти на одном [и том же] языке*”¹.

Терфинны отождествляются, как правило, с финнами Терского берега (к востоку от реки Варзуга) Кольского полуострова.² Под “большой рекой”, ведущей “внутрь земли”, понимают обычно либо Северную Двину, либо реку Варзугу, впадающую в Кандалакшскую губу на Белом море (или одну из рек Кольского полуострова, впадающую западнее Варзуги в Кандалакшский залив Белого моря).³ Принимая во внимание, что примыкающая к Кандалакшскому заливу юго-западная часть Кольского полуострова соседит с Терским берегом, населенным терфиннами, а также то обстоятельство, что Оттар во время плавания держался обыкновенно побережья и не пересекал открытого моря, нахожу наиболее правдоподобными суждения тех исследователей, которые локализуют наблюдаемых Оттаром *бьярмийцев* на юго-западе Кольского полуострова.⁴

Между 1200 и 1230 г. анонимный автор (предположительно, Снорри Стурлусон) записал “Сагу об Эгиле Скаллаgrimссоне”, в 37-й главе которой сообщается о походе между 920 и 930 г. в *Бьярмаланд* норвежского конунга Эйрика Кровавая Секира: “В этом походе произошло много событий; у Эйрика была большая битва в *Бьярмаланде у Вины*; Эйрик одержал там победу, как говорится об этом в его песнях”.⁵ Под “*Виной*” принято разуметь *Северную Двину*.⁶ Сражение состоялось “у *Вины*”, то есть близ устья *Северной Двины*; стало быть, *Бьярмаланд* располагался тогда в низовьях *Северной Двины*.

“Сага о Харальде Серая Шкура” – пятая сага “Круга Земного” крупнейшего исландского историка Снорри Стурлусона (1179–1241)⁷ – рассказывает о походе норвежского конунга Харальда Серая Шкура (960–975) “со своим войском на север в *Бьярмаланд*, и была у него там большая битва с *бьярмами на берегу Вины* и убил он там много народа, и взял там и золота, и серебра, и много другого богатства, и отправился назад той же осенью”. В повествование саги автор ввел слова участника событий исландского скальда Глума, сына Гейри (ок. 940–985), автора поэмы “Графельдардрана” – хвалебной песни в честь конунга Харальда Серая Шкура, сочиненной на смерть его ок. 970 г.⁸: “Дерзкий на слово, побеждающий всех конунгов, обагрил сверкающий меч на востоке перед северным *селением*, там, где я видел, как бегут *племена бьярмов*. Примиритель мужей снискал себе добрую славу в этом походе: ему, молодому, выпало сразиться на *берегу Вины*”.⁹ Рассказ повторен в своде исландских королевских саг “Красивая кожа”, составленном ок. 1220 г.¹⁰ Плавание Харальда к берегам *Северной Двины*, где обитали побежденные им “бьярмийцы”, относится к 965 г. или к первой половине X в.¹¹

В “Древнейшей саге об Олаве Святом” (ок. 1200 г.) упоминается поездка “богатого человека” Торира Собаки “в *Бьярмаланд*”, где он “убил там того доброго человека, которого звали Карли”.¹² Данное известие повторяет “Легендарная сага об Олаве Святом” (после 1210 г.),¹³ и

“Красивая кожа” (ок. 1220 г.).¹⁴ Между 1220 и 1230 г. Снорри Стурлусон написал “Отдельную сагу об Олаве Святом”, содержащую развернутое описание плавания Торира Собака и совпадающую (в интересующей нас части) текстуально с “Сагой об Олаве Святом” по “Кругу Земному” (ок. 1230 г.).¹⁵ Путешествие началось ранней весной 1026 г., когда халогаландцы братья Карли и Гуннстейн отправились “на север в *Бьярмаланд*”. В пути к ним присоединился Торир Собака. “И когда они приплыли в *Бьярмаланд*, то остановились они в *торговом месте*”, а по окончании торго “поплыли они прочь по реке *Вине*. Было тогда объявлено, что мир с местными жителями закончился”. Выйдя в море, они, посоветовавшись, решили ограбить местное капище, внутри которого находился “*бог бьярмов*, который зовется *Йомали*”. Набрав богатства, “сколько сумели”, и надругавшись над деревянным идолом, они “бросились в сторону леса, и углубились в лес, и услышали они с поляны позади себя шум и крик. Это пришли *бьярмы*”. Купцам-разбойникам удалось все-таки добежать до кораблей и выйти в открытое море.¹⁶ По убедительному мнению Т.Н. Джаксон, *Бьярмаланд*, где торговал Торир Собака со своими компаньонами и по территории которой протекала река *Вина*, размещался в низовьях Северной Двины.

Однако в некоторых сагах сохранились уникальные сведения о том, что “*страна бьярмов*” не ограничивалась нижним течением Северной Двины. Так, в “Пряди о Хауке Длинные Чулки”, содержащейся в “Большой саге об Олаве, сыне Трюгви” по рукописи конца XIV в., говорится о плавании Хаука, дружинника норвежского конунга Харальда Прекрасноволосого (858–928), “на север в *Бьярмаланд*, чтобы *добыть меха*”. Об отъезде Хаука проводал шведский конунг Эйрик, отправивший на двух кораблях своих людей Бьёрна и Сальгарда, которым повелел ехать “на север в *Суртсдалар* и *Бьярмаланд*” и захватить Хаука. В пути “на север в *Бьярмаланд*” Хаук встретился со своими противниками, нападшими на него из-за засады. В происшедшей битве Бьёрн и Сальгард погибли, а Хаук, потеряв глаз, вернулся восвояси.¹⁸ Хотя упоминание “Суртсдалара” (т.е. Суздаля, а точнее – Суздальской земли)¹⁹ в рассматриваемой саге К.Ф. Тиандер считает “неточностью”²⁰, а М.Б. Сverdлов – свидетельством “позднего литературного происхождения эпизода с путешествием шведов”²¹, тем не менее представляется обоснованным замечание Т.Н. Джаксон, что “соседство в тексте саги” Суздальской земли и Бьярмаланда “обращает на себя внимание” и вряд ли является случайным.²² Кстати сказать, уже следующая сага свидетельствует о правомерности наблюдения Т.Н. Джаксон.

В 1264–1265 гг. исландец Стурла Тордарсон (1214–1284), используя архивные материалы королевской канцелярии и воспоминания очевидцев о норвежском короле Хаконе, сочинил “Сагу о Хаконе, сыне Охакона”, рассказывающей о событиях 1204–1263 гг., в том числе и относящихся к *Бьярмаланду*: “Этим летом отправились они в военный поход в *Бьярмаланд*, Андрес Скьяльдарбанд и Ивар Утвик. У них было четыре корабля. И то было причиной их поездки, что ездили они в

Бьярмаланд в торговую поездку за несколько лет до этого, Андрес из Сьомелингар и Свейн, сын Сигурда, Эгмунд из Спангхейма и многие другие. У них было два корабля, и отправились они назад осенью, Андрес и Свейн. А они остались с другим кораблем, Хельги, сын Борганга, и его корабельщики. Эгмунд из Спангхейма тоже остался, и отправился он осенью на восток в Суздальскую землю со своими слугами и товаром. А у халогаландцев случилось несогласие с конунгов бьярмов, и весной напали на них бьярмы и убили всю команду. И когда Эгмунд узнал об этом, отправился он с востока в Новгородскую землю и оттуда [держал путь] еще восточнее вонне к морю, и не останавливался он, пока не прибыл в Иерусалим”.²³ По сведениям исландских анналов, “Андрес Скьяльдарбанд и Инвар из Утвика ходили войной в Бьярмаланд” в 1222 г.²⁴ Торговую поездку шведов в Бьярмаланд, происшедшую “за несколько лет до этого” военного похода, Т.Н. Джаксон датирует концом 1210-х гг., а под Бьярмаландом понимает “все Подвинье, в том числе и те районы Заволочья, куда проникала ростово-суздальская дань”.²⁵

В качестве “дополнительного подтверждения” правомерности второго тезиса Т.Н. Джаксон справедливо рассматривает “еще один фрагмент той же саги”, сообщающей о том, что к конунгу Хакону “пришло много бьярмов, которые бежали с востока от немирья татар, и крестил он их, и дал им фьорд, который зовется Малангр”. По ее мнению, “описанное в саге бегство бьярмов на север” мог вызвать как “сдвиг населения Суздальщины в подвластные ей районы Заволочья”, так и непосредственное “соприкосновение с народами севера” татар.²⁶

Разбор представленных в данной работе фрагментов из скандинавских саг, содержащих локализирующие признаки “страны бьярмов” (*Бьярмаланда*), действительно показывает, что каждая из саг “говорит о своей Бьярмии, в более узком значении”.²⁷ Не являясь по своему назначению историческими хрониками, саги повествуют не о всей “стране бьярмов”, а только о тех ее областях, с которыми были связаны конкретные торговые поездки или военные походы описываемых ими исторических лиц, вследствие чего *Бьярмаланд локализуется* в рассматриваемых памятниках на обширной территории от Беломорья до Верхнего Подвинья. Однако саги не расходятся в характеристике “племен бьярмов”, бывшими, во-первых, финноязычными, во-вторых, языческими, и, в-третьих, политически самостоятельными (хотя некоторые из них и выплачивали Руси дань,²⁸ но скандинавы, организуя военные походы в Бьярмаланд, тем не менее сохраняли с Новгородской и Суздальской землями дружественные отношения).

В 1730 г. шведский историк и географ Ф.-И. Страленберг опубликовал на немецком языке сохраняющую и поныне большое научное значение монографию “Северная и восточная часть Европы и Азии”, переведенную в 1747 г. на русский язык В. Н. Татищевым и спустя два с половиной столетия изданную в его переводе, в которой впервые указано, что “...Великая Пермия, которую древность Биармаланд называет, и прежде превеликую часть земли в себе заключала...”.²⁹ В.Н. Татищев

(1686–1750), ссылаясь на найденную им в Сибири Иоакимовскую (новгородского происхождения) летопись XVII в., включил в свою “Историю” рассказ о легендарном славянском князе IX в. Боривом (Буривом), который, “имея тяжкую войну с варяги, множищею побеждаше их и *облада всю Бярмию до Кумени*. Последи при оной реце побежден бысть, вся свои вои погуби, едва сам спасесе, *иде во град Бярмы*, иже на острове сый крепце устроенный, иде же князи подвластнии нребываху, и тамо, пребывая, умре”.³⁰ В “Примечаниях” историк отметил: “Сие есть достопамятное изъяснение, что Бярмия или Корелия тогда об реку Кимень с Финляндиею или Варягами граничила. Бярмы град, у русских Корела, у финов Кексгольм, т.е. на дву островах”.³¹ В других местах своей работы В.Н. Татищев отождествлял Бярмию либо с Поморьем (опираясь на произведения “северных писателей”),³² либо с “Великой Пермью” (следуя Ф.-И. Страленбергу).³³ Наконец, в “Лексиконе российском...” историк записал: “Бярмия, у северных писателей древних Великая Россия и со всею Помориею имянована, иногда токмо королевство Корельское тако имяновали; у русских писателей имяновано Пермь. И сие, мнитца, едино, ибо сарматы бук не имели, но оная от реки Двины на восток простиралась, западной же стране Двины все Поморие у русских Емь, иногда Заволочье имяновано”.³⁴

Кстати сказать, резонность отождествления *Бярмии* и *Перми* удостоверяется и фонетически. Наиболее убедительной этимологией этнонима *bjarmar* современными исследователями признается происхождение его от карело-вепского (прибалтийско-финского) *perämaa* – “задняя земля, земля за рубежом” (т.е. “Заволочье”), трансформировавшееся на славянской почве вначале в форму *Перемь*, затем – в *Пермь*.³⁵ Следовательно, *Bjarmaland* (“*Земля бярмов*”) скандинавских саг равнозначна летописной *Перми*.

Если территориальное пространство всей *Бярмии* (*Перми*) в IX – середине XIII вв. источникам не известно, то рубежи *Пермской земли* в конце XIV в. засвидетельствованы современником. В конце 1390-х гг. Епифаний Премудрый, постриженник Ростовского Богословского монастыря и инок Троице-Сергиевой обители, написал “Слово о житии и учении святого отца нашего Стефана, бывшего в Перми епископа”, дошедшего до нас в списках конца XV – начала XVI в. и более позднего времени и сообщающего подробную этногеографическую номенклатуру Европейского Северо-Востока конца XIV в. В частности, он называет четыре “пермские” реки: “Река едина, ей же имя *Вымь, си обходящия всю землю Пермскую* и вниде в Вычегду. Река же другаа, именем *Вычегда, си исходящия из земли Пермския и шествующи к северной стране*, и своим устием вниде в Двину, (ниже) града Устюга за 40 поприщ. Река третьяя, нарицаемаа *Вятка, яже течет в другую страну Перми*, и вниде в Каму. Река четвертаа, си есть еменем *Кама*. Си убо обиходящия и приходящия всю землю Пермскую сквозь ню, но неи же мнози языци сеядят. Си убо грядущия устремление имяше прямо яко же ко югу, и своим устием вниде в Волгу близь града, нарицаемаго Болгар. Но знаемо

ж, како из единой страны истекосте две реце, Вычегда и Кама, овы убо воды грядяху на польнощи, овы ж на полдни”.³⁶ Текстологический анализ житийной повести о Стефане Пермском и соответствующих летописных данных позволил мне заключить, что в конце XIV в. Пермская земля занимала на севере бассейн реки Вычегды с ее правым притоком Вымью, западные рубежи проходили по правобережью Северной Двины (вверх от Вычегды), верховьям Юга, среднему течению Вятки с притоками Молома и Пижма и левобережью Нижней Вятки, на юге Пермь ограничивалась Средней Камой (от Вятки вверх по течению), на юго-востоке – бассейном Нижней и Средней Чусовой (левый приток Камы) и на востоке – Верхней Камой.³⁷ Вхождение бассейна Средней Вятки в состав общепермского пространства удостоверяется также показанием устюжской летописи конца XVIII в., утверждающей, что в 1374 г. новгородские дружинники, “в Пермской провинции населившись, построили город Хльнов”.³⁸

Но в более ранние времена западные пермские рубежи соседнили с коренной территорией Новгородского государства³⁹ и вплоть до конца XIII в. бассейн Северной Двины (включая и Сухоно-Южское междуречье) населялся преимущественно финноязычными чудскими племенами – бьярмами скандинавских саг.⁴⁰

В прошлом столетии ветлужский краевед Д.П. Дементьев (1859 – после 1926) записал ряд преданий о том, что “в древнее время к ветлужским черемисам ездили на судах сначала норвежцы, а затем и новгородцы для торговли и размена товаров”. Их маршрут проходил по водным путям: Северная Двина – Юг – Пыстьюг (ныне – Пыщуг) – Ветлуга – Вохма. В Пыщугской волости Ветлужского уезда Костромской губернии “издревле дорога шла по левую сторону” реки Пыстьюг от Анданги (Никольского уезда Вологодской губернии) через Ерыкалиху, Талицу, Кулачиху, Якушиху (Сосновку), Дорок (Песчанку) к Турундихе и далее к реке Ветлуга; или же маршрут прокладывался прямо с Юга на Пыстьюг к Заболотью (или Притыкину) и к селу Воздвиженскому (три последних населенных пунктов располагались в устье реки Пыстьюг, впадающей в Ветлугу). Жители дер. Заболотье Пыщугской волости и население Николо-Шангской волости Ветлужского уезда Костромской губернии рассказывали краеведу, что в Николаевской церкви на Шанге хранилась рукопись, в которой сообщалось о потоплении их предками на Ветлуге иностранного судна с серебряной и железной рудой. По его сведениям, меновая торговля с норвежцами и новгородцами велась в двух местах – на пристани озера Черемисского (в двух верстах от села Воздвиженского, в окрестностях которого ранее стоял черемисский город Пысте-Хльнов) и на берегу озера Торгового (в пяти верстах от села Заветлужья Хорошевской волости Ветлужского уезда и недалеко от черемисского города Якшана, на месте которого ныне располагается село Кажирово).⁴¹

В 1840-х гг. в окрестностях Устюга нашли клад с англосаксонскими и немецкими монетами X–XI вв. которые завезли туда скорее всего.

скандинавские купцы.⁴² По соседству на погребении 17 могильника, расположенного в устье р. Выжум (левого притока Ветлуги в Юринском районе Марий-Эл) обнаружено ожерелье из медных бус и привесок в виде топорика скандинавского бога Тора, “один из них побольше с циркульным орнаментом на обеих сторонах, второй поменьше, украшенный припаянной зернью и жгутом”.⁴³ По мнению А.А. Юшко, такие ожерелья происходят из Скандинавии и датируются XI в. Там же найдена четырехугольного сечения фибула шведского происхождения, датируемая X в.⁴⁴ Подобные выявлены в России в Гнездовском, Тимеровском и Михайловском могильниках и в древностях веси.⁴⁵

Не позднее начала XIV в. было сочинено “Описание мира и святая мудрость”, включенное в 1320-х гг. Хауком Эрлендссоном в его кампиляцию древнеисландских произведений, названную “Книгой Хаука”, в которой в числе важнейших северных водных путей, известных скандинавам по их плаваниям, упоминается и река *Кама*.⁴⁶ Примерно тогда же был составлен скандинавский трактат “*Великие реки*”, представляющий собой запись сведений о судоходных реках Европы, по которым скандинавы плавали с торговой или военной целью; среди них опять-таки называется река *Кама* (*Кита*). Осведомленность скандинавов о Каме-реке как о значительной судоходной водной артерии, которую они не позднее XIII в. использовали в практических целях (а единственным объектом их поездок на европейском северо-востоке была Бьярмия/Пермь) можно расценить как аргумент, удостоверяющий, что в XIII в. юго-восточные и восточные рубежи Бьярмии/Перми проходили по течению Средней (в домонгольское время Нижнее Прикамье входило в состав Болгарского ханства⁴⁸) и Верхней Камы, что, в свою очередь, согласуется с показаниями житийной повести о Стефане Пермском, рассказывающей о пермских географических реалиях 1390-х гг. Словом, имеются серьезные основания говорить, что скандинавы, проникая в XIII в. (а может быть, и ранее) в Бьярмию/Пермь, активно использовали камский водный путь. Кстати сказать, на Верхней Чепце (левом притоке Вятки) в Солдырском могильнике “Чемшай” найдена позолоченная фибула X в., “кольцевидная головка которой украшена характерным для Скандинавии звериным мотивом в сочетании с плетеным орнаментом”.⁴⁹

Этнический состав населения Вятско-Камского края во времена скандинавских походов реконструируется на основе изучения преимущественно местных археологических культур. Наибольшей известностью пользуется гипотеза ижевского профессора Р.Д. Голдиной, предполагающей, что в VI–IX вв. в Удмуртском Прикамье (верхнеутчанская культура), в бассейне Средней и Нижней Вятки (еманаевская культура) и на реке Чепца (поломская культура) локализовалась праудмуртская общность, трансформировавшаяся в X–XV вв. соответственно в чумойтлинскую (правобережье Камы, реки Иж, Тойма), кочергинскую (Средняя и Нижняя Вятка) и чепецкую (Средняя и Верхняя Чепца) культуры. Во все периоды развития пермоязычных праудмуртов “шел

интенсивный процесс взаимодействия и взаимообогащения с соседними этническими объединениями, уграми, индоиранцами, волжскими финнами, тюрками” и носителями именьковской(славяне? балты?) культуры.⁵⁰

Альтернативную точку зрения высказал казанский археолог А.Х. Халиков. Упрекнув Р.Д. Голдину в том, что ее гипотеза “вступает в явные противоречия с данными лингвистики, этнографии и антропологии”, ученый попытался показать, что до XV-XVI вв. пермские финны, в том числе, и древние удмурты, заселяли “междуречье Вятки и Вычегды, севернее и северо-западнее”, то есть там, где выявлены памятники вымской культуры X — XIV вв.⁵¹

К сожалению, в построениях Р.Д. Голдиной и А.Х. Халикова не учтены в должной мере сведения письменных и фольклорных (за исключением, удмуртских) источников и данные гидронимии. По свидетельству составленной в конце XVII в.⁵² “Повести о стране Вятской”, новгородские дружинники, “слышаху о Вятке реке и иже по ней живущих чуди, отяковъ”, разделились на два отряда, из которых первый, “дошедше реки Чепцы, и внизъ по оной плывуще, пленяюще отяцкие жилища”, а войдя в реку Вятку, “узревше на правой стране на высокой пре-красной горе устроены градъ чудской...”, называемый чудью “Болванской городокъ, иже ныне нарицается Никулицыно по реке Никуличанке”, и во время его штурма “побиша ту множество чуди и отяковъ”, другой захватил черемисский город Кокшаров. Пожив в завоеванных городах некоторое время, новгородцы решили построить “общей единъ градъ”, дабы “замокъ крепки во утвержении имети отъ нашествия супостатъ иноверцевъ чуди, отяковъ, черемись и иныхъ народовъ”. Поставленный колонистами город был назван Хлынов, “речки ради Хлыновицы”.⁵³

Как видим, в конце XVII в. вятский летописец знал, что до прихода на Вятку новгородских насельников и основания ими в 1374 г.⁵⁴ города Хлынова здесь обитали черемиса, отяки и чудь. С левобережья Волги на Вятку луговая черемиса (марийцы) пришла в IX—X вв.⁵⁵ Вопрос об исторической родине отяков (удмуртов) находится в стадии обсуждения. Этнокультурная история вятской чуди до сих пор не подвергалась специальному изучению.

Известие вятской повести о заселении Вятки чудскими племенами подтверждается многими преданиями, записанными в конце прошлого столетия. Так, по сведениям краеведа П.М. Сорокина, даже в XIX в. жители многих сел и деревень верхнекамских Кайской (Кайгородской), Трушниковской волостей Слободского уезда и Зюздинской волости Глазовского уезда Вятской губернии вели свою родословную от местной чуди, оставившей “чучковники” (могильники чуди), куда они приходили (обычно в семик) поминать родителей, городища (*Шудья-кар* в 1,5 км. от деревни Харинская Зюздинской волости) и полузасыпанные ямы.⁵⁶ В верховьях Камы недалеко от Серегина (выше притока Лопья) виднеются ямы, через которые, говорят, ушла чуда под землю, когда пришли русские.⁵⁷ У села Зюзино-Воскресенское в Каму *впадала река*

Чудь. По преданиям, чудь населяла также земли по верхнему течению реки Кобры (правого притока Вятки) и ее притокам Черная, Соз, Лебедка и правым притокам Вятки Березовка и Подрезчиха и не позднее XVII в. вошла в состав Березовского стана Слободского уезда.⁵⁸ В Сырьянском стану того же уезда на реке Нижней Осетровке (Лыскове) находилось *Чудское городище*. Выше по течению в Вятку впадала слева река *Чудовка*, в устье которой было основано село Екатерининское-Верховятское.

В 1883 г. пермские жители починка Булатовского Слудковской волости Орловского уезда рассказывали, что в давние времена в этих местах по берегам реки Летки в лесных землянках жила “чудья”, которая “пням молилась”. Стефан Пермский пытался ее окрестить, но она не захотела “веру свою в воде смывать” и ушла в глухие леса. Когда вдругорядь миссионер пришел с вооруженными людьми и нашел чудь, она выкопала ямы, покрыв их жердями, укрылась в них и подрубила кровельные подставы. Крыша упала и всех чудских людей задавила. Так и пропала слудковская чудь.⁵⁹

По наблюдениям А.А. Спицына, в VII–X вв. и позднее “чудь жила довольно густой массой по течению р. Чепцы и ее притокам вплоть до р. Косы”.⁶⁰ “Следы чудской культуры” археолог обнаружил и на реке Пижме, правом притоке Вятки.⁶¹ В устье р. Лебедки (л. пр. Вятки), у села Лебяжье, на возвышенном мысу находится городище со следами вала и рва, с которым связано предание, что “здесь жила чудь белоглазая”.⁶²

Близ Камско-Воткинского завода (ныне – г. Воткинск) на правом берегу Вотки (пр. пр. Сивы, впадающей в Каму) у дер. Бродище находилось городище, окруженное тремя рядами валов, о котором местные жители рассказывали, что в нем “издревле обитала чудь белоглазая”, которая, по предположению удмуртского этнографа Г.Е. Верещагина (1851–1930), могла принадлежать “к тем племенам, которые населяли Хлыновскую область до пришествия новгородцев”.⁶³ В удмуртской легенде “*Батыры из племени Чудь*” говорится о том, как в давние времена поселилось на Каме племя, которое называлось “чудь светловолосая”.⁶⁴ Марийскому фольклористу В.А. Аккорину удалось записать от проживающих в Кировской области марийцев несколько преданий о народе “*тютя*”.⁶⁵

Далее вверх по Каме-реке чудские люди заселяли левобережные прикамские Очерский, Оханский, Добрянский и Соликамский районы современной Пермской области,⁶⁶ Кудымкарский район Коми-Пермяцкого национального округа,⁶⁷ низовья реки Чусовой⁶⁸ и бассейн Вишеры.⁶⁹

По мнению М.Г. Атаманова, какая-то часть чуди приняла участие в этногенезе удмуртов и даже передала свой этнический материал крупному и широко распространенному воршудно-родовому удмуртскому объединению как *Чудья/Шудья*, следы которой выявлены им в 73 населенных пунктах Удмуртского Прикамья, бассейна Тоймы (прав. пр. Камы в Татарии), а также в Куединском районе Пермской области, Татышлинском и Янаульском районах Башкирии, и, вероятно, севернoudмуртскому роду *Чудна*, обитавшему по среднему и верхнему течению Чепцы.⁷⁰

Анализ списка населенных мест Вятской губернии в третьей четверти XIX в. привел М.Г. Атаманова к заключению, что в вятской гидронимии преобладают названия, связанные с удмуртами (11), затем – с яранцами-ненцами (4), пермяками (2), черемисой (1) и югрой (1), а “другие этнонимы финно-угров не нашли отражение в гидронимии Вятки, что может свидетельствовать о позднем проникновении их носителей в данный регион”; словом, “в I тыс. н. э. вплоть до середины II тыс. н. э. Вятская земля была заселена в основном предками удмуртов”.⁷¹ Мне представляется, что содержащиеся в списке населенных мест Вятской губернии в 1859–1873 гг. гидронимы и топонимы,⁷² не отражают в должной мере реалий XIII–XVII вв., ибо гидронимы имеют тенденцию к трансформации в ходе межэтнических процессов (да и в списке они представлены далеко не полностью), а неславянские вятские топонимы прослеживаются в основном лишь с начала XVII в. Указанные обстоятельства не позволяют рассматривать губернские списки населенных мест второй половины XIX в. как источник, отражающий адекватно миграционные процессы в (том или ином) регионе в раннем средневековье.

Поскольку ижевские археологи, этнографы и филологи локализируют историческую родину удмуртов (вотяков/отяков) в бассейне Средней и Нижней Вятки и ее левого притока Чепцы, постольку названные гидронимы должны этимологизироваться с удмуртского или общепермского языков. Реку *Вятку* древние удмурты звали вначале *Ватка шур*, затем – *Ватка ву*.⁷³ М.Г. Атаманов возводит гидроним *Ватка* к одноименному этнониму, известному по преданиям и восходящему якобы к тотемному имени, который увязывается им с удмуртским зоонимом *вад* (выдра), диал. *бобр*; *-ка* – аффикс, представленный широко в родовых именах удмуртов (этноним переводится как “человек рода *Бобра*”, а гидроним – “*Бобровая река*”).⁷⁴ Данная этимология популярна среди удмуртских исследователей и проникла уже в общие труды.⁷⁵

Однако ряд факторов заставляет усомниться в правильности такого объяснения. Прежде всего отмечу, что на территории Европейской России отсутствуют большие и средние реки, которые именовались бы по названиям преобладающих в них видов фауны. Если первичным считать гидроним, то на Севере и в Волго-Камском междуречье, в водных системах которых в древности в изобилии водились выдры и бобры,⁷⁶ средние и крупные по величине реки не носят имена водоплавающих. Если же первичен этноним, то как объяснить наличие далеко за пределами Вятско-Камского региона гидронимов *Вятка* и соответствующих топонимов? Так, не позднее 1473–1502 гг. в состав Костромского уезда вошла *Вяцкая* волость с сельцом *Вяцкое* на Вохте, принадлежавшая митрополиту.⁷⁸ Один из притоков Старицы, впадающей в Волгу в пределах Тверской области – *Вятка*. В окрестностях Великих Лук имеется речка и озеро *Вятица*. В Виленской земле протекает речка *Вята*, в Смоленской – *Вятова*, в бассейне Днепра – *Вятыня*, левый приток Угры – *Ведца*, правый – *Вятца* (*Ветца*). Как известно, в западных и

северо-западных областях России в дославянское время обитали не пермские, а балтийские племена, оставившие соответствующую гидронимию.⁹⁰

М.Р. Фасмер, отождествляя гидронимы *Вятка* и *Вяда*, возвел последний к финно-угорскому гидрониму *Vento*, образованному от финского *vento* “медленный, спокойный, глубокий”.⁸¹ А.А. Ивановский выводил гидроним *Вятка* от фин. *wiz/wit* – “река”.⁸² По мнению Р.А. Агеевой, “не исключено, что если не балтийский, то прабалтийский или индоевропейский горизонт можно увидеть” в названии *Вятка*.⁸³ Наибольшей убедительностью отличаются, на мой взгляд, построения Л.Н. Макаровой, которая выводит данный гидроним от прибалтийско-финской основы *vent-* и переводит название реки как “великая, большая”.⁸⁴

А вот левому притоку Вятки в ее среднем течении – реке *Чепца* – вообще не повезло: до сих пор никто из лингвистов не пытался даже пролить свет на происхождение данного названия. Разумеется, если бы *Чепца* имела пермские истоки, то гипотезы не замедлили бы появиться. Народ же, ничтоже сумняшеся, выдвинул собственную версию, которую ученый мир записал только в 1984 г.: “А река Чепца так прозвана в год, когда императрица Екатерина проезжала по реке и уронила в реку свой чепчик”.⁸⁵ Народная этимология, конечно, расходится с научной, но ее-то еще и нет.

Кстати сказать, в Вятско-Камском междуречье гидроним с основой *чеп/цеп* встречается часто и причем в тех районах, которые предания связывают с чудью. В оброчной записи крестьян Каринской волости от 23 июня 1651 г. записано: “... Вверх *Чепцы* реки речка Уя да речка *Цепош*,... да речка Атца...”.⁸⁶ В Уржумском уезде правый приток Вятки (выше устья Уржумки) назывался *Чепоч/Чепца* и в первой половине XVII в. на ее берегах был основан Спасский монастырь, более известный как *Цепочкин*. Там же располагались *Чепочкины* горы и *Чепочкин* исток.⁸⁷ Между Верхней Камой и Сысолой (пр. Вычегды) протекает речка *Чепань*, а левый приток Камы в окрестностях Зюздина прозывается *Чепечь*. В Чердынском и Соликамском районах Пермской области имеются реки *Чепец* и *Чепечанка*.⁸⁸ В Поморье близ оз. Вожа также течет *Чепца*.⁸⁹

В 1374 г. новгородцы построили в устье речки *Хлыновицы* город, который называли по имени реки *Хлыновым*. Предание гласит, что по соседству с ним “прежде была вотяцкая деревня с общественною куалой (молитвенный шалаш). Когда вотяки были вытеснены оттуда русскими, то и куалу решились разрушить”.⁹⁰ Это капище удмуртские этнографы считают “Великой куалой” – родовым святилищем племенного объединения Ватка.⁹¹ Если исходить из позиции удмуртских исследователей, что вотяки – коренные обитатели Средней Вятки, то в гидрониме *Хлыновица* логично видеть пермские истоки. Однако лингвисты пока не объясняют его с наречий пермского языка.

Согласно записанному А.И. Вештомовым преданию, “к таковому названию ее подала, как пишут, повод какая-то летевшая на тот раз пти-

ца, которая криком своим выражала нечто подобное слогу *Хлы*, отчего де русские и прозвали речку Хлыновицей”. “Я догадаюсь, – рассуждает первый вятский историк, – не спруживали ли сию речку, которая, проравшись стремлением своей воды, выражается ныне у простолюдинов словом *Хлынуть*”.⁹²

По мнению Л.Н. Макаровой, “главный город Вятской земли назвали Хлыновым не сами вятчане, а жители соседних, в частности, устюжских, земель, на которые иногда вместе с татарами делали разбойничьи набеги и вятчане, и двор великого московского князя. «...» Топоним *Хлынов* по происхождению является притяжательным прилагательным с посессивным топонимическим формантом *-ов*. Он образован от нарицательного диалектного существительного *хлын* – “бездельник, тунеядец, вор, мошенник, барышник”.⁹³ Это суждение поддержала Е.Н. Мошкина.⁹⁴ С таким объяснением нельзя согласиться по следующим мотивам. Во-первых, в научном обороте отсутствует источник, который позволял бы утверждать, что город Хлынов назвали не его строители, а их соседи, с которыми хлыновчане в XV в. неоднократно воевали. “Повесть о стране Вятской” прямо говорит, что новгородские насельники “град устроиша и нарекоша его *Хлынов град речки ради Хлыновицы*”. Словом, первичен гидроним, который колонисты могли узнать только от местных жителей. Во-вторых, понятие “*хлын*” в его многочисленных нарицательных значениях фиксирует лишь “Словарь” В.И. Даля, в котором отражены слова, бытовавшие в России в XVIII – первой половине XIX в.⁹⁶ К примеру, в “Материалах для словаря древнерусского языка по письменным источникам” И.И. Срезневского данной лексемы нет.

Д.М. Захаров высказался в пользу пермско-финского происхождения гидронима *Хлынов*, который он выводит из удмуртского “*коло, колан*” (брод, переправа), хотя и допускает возможность его происхождения от финского “*кюля*” (деревня).⁹⁷ Полемизируя с ним, Е.Н. Мошкина отмечает, что словообразовательный анализ не позволяет говорить о том, “что существительные *коло, колан* в самостоятельном употреблении не могли стать названием города: в удмуртском языке это должен быть не просто брод, а скажем, каменистый брод, т.е. не *Колан*, а *Изоколан*”. Сомневается она и в финском происхождении гидронима *Хлынов*.⁹⁸

Не подвергая лингвистическому анализу гидроним и топоним *Хлынов* (автор – историк, а не языковед), попытаемся выявить географию его распространения. Уже на севере Кировской области встречается еще одна речка *Хлыновка* – левый приток Лузы (прав. пр. Юга). С 1410 года известно в Москве урочище *Хлыново*, где позднее была поставлена Никольская церковь.⁹⁹ Не позднее XVI в. в Москве в Занеглименье по соседству с селом Большое Кудрино была основана деревня *Хлыново*.¹⁰⁰ В “сотнице Дмитровского уезда Мушковского стану” от 27 января 1562 г. отмечена “*Хлынова пустошь*”.¹⁰¹ В выписи с писцовых книг 1562 года на вотчины “Рождества Пречистые пустоши”, что в Повельском стане Дмитровского уезда, указана “дер. *Хлынцево*”.¹⁰² Во второй поло-

вине XVI в. на посаде Устюжны Железопольской имелись “Хлынова улица” и “Хлынов переулок”.¹⁰³

Итак, гидронимы *Вятка*, *Чепца* и *Хлынов* (-ка, -ица) распространены, кроме Вятско-Камского междуречья, в Заволочье, низовьях Окско-Волжского междуречья, центральных и северо-западных областях России, т.е. в тех землях, которые издревле населяли балтские и прибалтийско-финские народы.

Судя по преданиям, в далеком прошлом чудские племена достаточно компактно заселили верховья Камы и Вятки, ее правые притоки Кобру и Летку, а также Нижнее и Среднее Почепечье. Лингвистический анализ верхнеднепровских гидронимов привел В.Н. Топорова и О.Н. Трубачева к заключению, что “четким указанием на балтийское происхождение” речных названий служит элемент -л- в гидронимических образованиях на -ал.¹⁰⁴ Уральский топонимист А.К. Матвеев тоже убежден, что формант -ла есть “прибалтийско-финский суффикс существительных, обозначающих место; в топонимии неприбалтийско-финских народов не встречается, но в высшей степени характерен для прибалтийско-финских названий”.¹⁰⁵ В частности, в великокняжеской жалованной грамоте жителям Перми Вычегодской 1485 г. среди притоков Верхней Камы называются *Пыела*, *Нырмыла*, *Рытола*, *Кужюла*, *Чюсула* и *Зюсюла*. Она же зафиксировала в верхнем течении реки Сысолы (лев. пр. Вычегды) ряд притоков на -ла: *Сысола*, *Комула*, *Нылбыла*, *Лопыла*.¹⁰⁶ Одним из левых притоков Порыша (лев. пр. Камы) была еще одна *Сысола*. Любопытно отметить, что гидроним *Сысола* созвучен с именем чудского племени в Эстонии *сосола* (варианты: *сола*, *ссола*), на которую в 1060 г. “ходи Изяславъ... и дань заповеда даяти по 2000 гривенъ”. Но дерзкая и храбрая “сосола”, прогнав данников, весной 1061 г. объявила войну новгородцам и до “Плескова доидоша, воююще. И приидоша противу имъ плесковице и новгородци на сечю, и паде русн 1000, а *сосоль* бещисла”.¹⁰⁷ И гидроним *Сысола*, и этноним *сосола* – оба прибалтийско-финского происхождения и, кажется, с одной корневой основой.¹⁰⁸

Название правого вятского притока *Кобра* считается ныне диалектным русским словом, образованным из *корба* (глухой лес, влажная местность с еловыми и сосновыми зарослями), которое, в свою очередь, заимствовано из прибалтийско-финских языков (ср.: вепсское *корб* “глухой лес”, карельское *корби* “местность, поросшая лесом”).¹⁰⁹ В ее бассейне имеются топонимы, отражающие этноним *чудь*: река *Чускайю*, ручей *Чускайшор*, урочище *Чускайбаня*. Гидроним *Кобра* отмечен также в качестве правого притока Верхней Вятки, и такого же притока Моломы (прав. пр. Вятки). “*Коброй*” вятские реки стали именоваться не позднее XV в.¹¹⁰ (хотя северо-западным жителям Вятского края была известна и река *Корба*). В Карелии данный гидроним употреблен в “первозданном” виде: озера *Корбинское* и *Корбозеро*, река *Корба*; в Ленинградской области – озеро *Корбинское* в бассейне р. Сясь и р. *Корба*, приток Луги. В местах бывшего расселения костромской чуды, по подсчетам Д.М. Захарова, “название речек Корба употреблено 13 раз”.¹¹¹

Кроме того, одна река *Корба* имеется в бассейне Волги, а другая впадает в Мезенский залив.

Другой правый вятский приток – *Летка* – еще в начале XVII в. назывался *Ледка*.¹¹² Еще одна *Летка* впадает в верхнем течении в Вятку, а в Сухону – *Леденга*. По мнению А.П. Афанасьева, *Летка* – “загадочное название, возможно, русское по происхождению”.¹¹³ Однако представляется более убедительным суждение А.К. Матвеева, утверждающего, что основы с формантом *-нга* этимологизируются на прибалтийско-самско-финской основе.¹¹⁴ А.К. Матвеев и Ю.И. Чайкина выводят гидроним *Леденга* (*Леденьга*) из финского *liete/liede* (низкий песчаный берег, песчаная отмель), вепсского *lete* (песчаный берег) и эстонского *leede* (песчаная отмель), переводя его как “песчаная река”.¹¹⁵

С бассейном Летки соседствует небольшая речка *Волга* – правый приток Малой Медянки, несущей свои воды в Медянку, впадающую в Вятку северо-западнее Кирова.¹¹⁶ В верхнем течении в Молому втекает река *Волгарица* с правым притоком *Малой Волгарицей*. В Просницу (лев. пр. Вятки) впадает речка *Волошка*. Сотные выписи Каргопольского уезда 60-х гг. XVI в. упоминают в бассейне озера Лача реки *Волгу* и *Волжку* и *Усть-Воложскую* волость.¹¹⁷ Сегодня *Волжка* более известна как *Волошка* (прав. пр. Онеги). В южном Беломорье также протекает *Волга*.

Великая русская река *Волга* в глубокой древности именовалась так лишь в своем верхнем течении (где до первых веков II тыс. н.э. проживали балтские племена), в то время как в среднем (от устья Камы) и нижнем течении ее знали под тюркским именем *Итиль* (от *идель* – “большая река”). Принимая во внимание исторические реалии, разумно связывать гидроним *Волга* с балтским термином *валка* (небольшой ручей; ручей, текущий по болоту; небольшая речка)¹¹⁸ или (что менее предпочтительнее) с угро-финским корнем *valg* (белый, светлый).¹¹⁹

Один из правых притоков Чепцы (лев. пр. Вятки) – *Луза*. В 1629 г. дозорщики, обследуя Чепецкий стан Хлыновского уезда, записали: “Починокъ над *рекою Чепцою* на Дубовцехъ же на речке Песковке, а *Луза* тожь”.¹²⁰ Наибольшей популярностью среди топонимистов пользуется версия А.К. Матвеева, объясняющего данный гидроним из самского языка: *лусс* (вторая основа – *луз*) – “семга”; *Луза* – “семужья река”.¹²¹

На севере Кировской области протекает еще одна *Луза*, впадающая в реку Юг и отмеченная в великокняжеской грамоте 1485 г.¹²² В бассейне *Лузы* имеются гидронимы с прибалтийско-финским суффиксом *-ла*, обозначающим место: ее правый приток *Лала* с своим правым притоком *Залесской Лалой*, левый приток *Ула* (по мнению Л.Е. Кирилловой, в уральских языках основа *у-* значила “реку”;¹²³ одноименный приток имеется в бассейне Оки), *Пола* и *Малая Пола* (правые притоки Поруба, правого притока Лузы). Левый приток Лузы – *Саракас*; название производно от вепсского *Sarakaz* “развилистый” (исток Лузы состоит из трех притоков-разветвлений, каждый из которых называется *Саракас*). *Сокся* – правый приток Лузы – переводится из финского и эстонского

языков как “чайка, морской орел”. Те же корневую основу и значение имеют лузские правые притоки *Чёкша* и *Ул Чёкша* (*Ул* в коми лузском диалекте обозначает “низ, нижний”). В бассейне Лузы находится также бор *Чудьяг* (Чудский бор).¹²⁴ Саамского происхождения не только гидроним Луза. Ее правый приток называется *Лопью* (*Лопи*), а левый – *Лопи*; в обоих именах отразился этноним *лопь* – древнерусское название *саамов*. Наконец заметим, что еще одна *Луза* является левым притоком Кожвы (лев. пр. Печоры).

По свидетельству великокняжеской грамоты 1485 г., туземное население бассейна Кобры, Летки и Верхней Моломы составляли этнокультурную общность *Лузская Пермца*: “А што угодеи на реке Кобры и на Летской и на реке Моломы до реки Карсной и до Чемолины, то наше (великого князя. – В.Н.) жалованье людем *Лусские Пермцы* на бедность, и сысоленом и ужговцем в тое реки не входити ни во что”.¹²⁵ Разумеется, Лузская Пермца включала в себя и бассейн реки Лузы. Археологическое изучение Лоемского и Векшорского могильников и ряда городищ Прилузья позволило Э.А. Савельевой заключить, что в состав Лузской Пермцы входили древнепермские племена и родоплеменные объединения волжских (мерских, муромских, древнемарийских и др.) и восточнобалтийских (приладожских, белозерских и др.) финнов.¹²⁶ Согласно лингвистических наблюдений В.И. Лыткина и Т.И. Жилиной, в языке лузских пермяков имеется значительный пласт прибалтийско-финских и волжско-финских заимствований.¹²⁷

Гидронимы с прибалтийско-финским формантом *-ла* свойственны и бассейну Пижмы (прав. пр. Вятки), где, как говорилось, А.А. Спицын обнаружил “чудские” древности. Так, два ее левых притока именуется *Тула* и *Малая Тула*. На берегах *Тулы* располагается село *Верхотулье* Арбажского района Кировской области, входившее в XIX в. в состав Пишнурской волости Котельничского уезда.¹²⁸ Вятская *Тула* одноименна известному областному центру, название которого К.М. Поспелов производит из балтийского *tula* (поселение на новом месте, колония).¹²⁹

В нижнем течении в Пижму впадает река *Немда* (имеющая лев. пр. *Немдеж*). В Вятку (выше Кильмези) тоже втекает *Немда*, а один из левых притоков Ярани (прав. пр. Пижмы) также называется *Немдеж*. Топооснова *нем-* в прибалтийско-финских языках значит “мыс, наволок”.¹³⁰ По наблюдениям А.К. Матвеева (и согласной с ним И. Мулло-нен), лексема *нем* была известна и языку межозерских саамов, а позднейшая утрата ее саамскими говорами и приобретение последними специфической саамской географической терминологии “связано с продвижением саамов на север Скандинавии”.¹³¹ Ряд гидронимов представляют собой топооснову *нем* с абсолютным конечным *-а*. К примеру, одна *Нема* впадает в Кильмезь (лев. пр. Вятки), другая – в Сысолу (лев. пр. Вычегды), третья – в Пинегу, четвертая – в Юлу (лев. пр. Пинеги). Кроме того, название *Немда* носят левые притоки Волги (в иваново-костромских пределах), Севы и Десны.

Да и у самой *Пижмы* немало близких и дальних “родственников”.

Название *Пижда* носит один из притоков Великой, Ветлуги, Мезени и Печоры. Правый приток вятской Пижды – *Пижданка*, в ее левый приток Иж впадает *Пижанка*, а в речку Лаж (прав. пр. пижменской Немды в верхнем течении) втекает *Пижай*. Левый приток Вятки (близ Сосновки) – *Пыжданка*, а рядом с Кильмезью в нее впадает *Пиж*. На территории Марий-Эл текут речки *Пижданья* (Килемарский район) и *Пижанка* (Оршанский район). И.С. Галкин выводит топооснову *пиж*- из коми *пеж* “нечистый” и *-ю* “река”.¹³² Однако география распространения гидронимов с основой на *пиж* ставит под сомнение версию И.С. Галкина. Более доказательно суждение А.И. Попова и Р.А. Агеевой, которые считают, что данное название происходит из прибалтийско-финских языков (*пиж* – “святой”).¹³³

В архивных документах конца XIX в. сообщается о починке Верхоломском (Журавлевском) Багаевской волости Котельничского уезда, основанном на берегу речки *Шуя*.¹³⁴ По данным Я. Крживоблоцкого, эта *Шуя* являлась левым притоком Большой Какши, а другая *Шуя* – таким же притоком Усты (оба – лев. пр. Ветлуги).¹³⁵ Тезки ветлужских *Шуй* впадают в Унжу (лев. пр. Волги), Тезу (лев. пр. Клязьмы, лев. пр. Волги), Оршу, Ладожское и Онежское озера, Онежскую губу Белого моря. Гидроним *Шуя* и производные от него наименования встречаются нередко и в Марий-Эл.¹³⁶ Считается, что в основе гидронима *Шуя* лежит прибалтийско-финское *шио* “болото” или *шио-ожа* “болотная река”.¹³⁷

Ниже райцентра Лебязье несет свои воды в Вятку река *Воя*, имеющая многочисленные параллели в Архангельской и Вологодской областях. Та же основа содержится в вятских гидронимах *Вой*, *Войка*, *Вая*. Гидроним *Воя* (и производные от него) связан с прибалтийско-финскими языками, в которых (*во)ожа* – “река”.¹³⁸

Одна из крупнейших рек Удмуртии – *Вала* (лев. пр. Кильмези), одноименная речка протекает в окрестностях вятского Малмыжа. Имеющийся в гидрониме формант *-ла* указывает на его прибалтийско-финское происхождение.¹³⁹

Правый приток (в нижнем течении) Вятки – *Тойма*. В устье другой *Тоймы*, впадающей в Каму, находится город Елабуга (Татария). Один из правых притоков (в среднем течении) Северной Двины – тоже *Тойма*. В XIII в. ее берега населяли “*тоймищи погании*”, упоминаемые в “Слове о погубели Русской земли” и представлявшие одну “из народностей заволоцкой чуди”.¹⁴⁰ По наблюдениям А.П. Афанасьева, гидроним связан с этнонимом прибалтийско-финского происхождения; ср.: вепс. *toina* – “иной, другой”.¹⁴¹

В писцовых книгах 1618–1619 гг. отмечен Хлыновского уезда Спенцынского стана “починок на *Большом Кучкове*. Пашни переложные, паханные добрые земли две чети с осминою в поле, а в дву по тому же, в живущем четь выти; пашут того ж починка крестьяне Савка Глухово да Ивашко Овдокимов, оброку двенадцать алтынъ три денги”.¹⁴² В том же стане тогда находился “починок, что было заимище на *Кучкове* ж *Малка Коркина*”, а земли “пашет того ж починка крестьянин Климушка Зу-

барев”.¹⁴³ К 1629 г. административно-территориальное деление Хлыновского уезда несколько изменилось и местность *Большое Кучково* вошла в состав Бритовского стана того же уезда. Первый (из вышеуказанных) населенных пунктов именовался уже “починок на *Большом Кучкове* Никитка Глухово. Во дворе – Данилко Огородов, во дворе – Савка Глухой, во дворе – Ортемко Глухой”;¹⁴⁴ другой – “починок, что было заимище на *Кучкове* ж Малка Коркина (напечатано ошибочно “Курина”. – В.Н.). Во дворе – Оверка Кислицын”.¹⁴⁵ Писцы зафиксировали также “починок *Кучков* Турошевской”, “починок *Кучков Большой*”, “починок на *Кучкове* Гришки Нечаева”, “починок другой на *Кучкове*” и “починок третей на *Кучкове*, что был Федки Дмитриева”.¹⁴⁶

В вятских оброчных книгах 1622/23 г. в составе Холуницкого стана Слободского уезда указана “деревня, что была пустошь *Кучканова*. Пашни переложные, земли припахал без дачи Ивашко, да Матвейко да Якунка Бакулевы на выть, владеть три года, оброку полтора рубли”.¹⁴⁷ В 1629 г. в Холуницкий стан Слободского уезда входила “деревня, что был починок Сорокожердев на *Кучкановской* дороге меж Холуницы и Лужановым”, в котором проживали “лужановские вотяки”.¹⁴⁸ С указанными топонимами имеют общую корневую основу такие гидронимы, как *Кучкаж* (прав. пр. Большого Кундыша, прав. пр. Большой Кокшаги, впадающей в Волгу на территории Марий-Эл) и *Кучка* (вливающая свои воды у села Оршанка в Малую Кокшагу, прав. пр. Волги) и, быть может, марийская *Кученерка*.

Вятские топонимы *Кучково* и *Кучканово* и марийские гидронимы *Кучка* и *Кучкаж* “родственны” древнейшему именованию Москвы: в 1175 г. “... идоша с ним до *Кучкова*, *рекше до Москвы*”;¹⁴⁹ легендарным основателем которой повести и сказания называют Стефана Ивановича *Кучку* – местного, по мнению ряда исследователей, вятического племенного князя. По данным С.Б. Веселовского, в XV в. в Юрьевском уезде было село *Кучка*, от названия которого образовалась фамилия *Кученецкий*. В конце XV в. жил новгородец Я.И. *Куча*, в XVI в. – рязанец Р.И. *Кученев*, в начале XVII в. – ярославец Н.С. *Кучин*.¹⁵¹

В 1990 г. в Михаило-Архангельском раскопе Новгорода в слоях второй половины XII в. была найдена берестяная грамота № 723, на внешней стороне которой неизвестный новгородец начертал: “Покланяние ото Душилъ ко Нясть. Шьль ти есмь *Кучькъву*, ажъ ти хътя жьдати, ааи ти нь хътя жьдати, а оу Фьдкъ обруць, ее водадя, а свое възьму”.¹⁵² В. Л. Янин и А.А. Зализняк уверены, что грамота № 723 – “древнейший ныне известный документ, в котором упоминается Москва”.¹⁵³ В свете перечисленных топонимов такое заключение представляется сомнительным. Скорее всего, в грамоте № 723 указан какой-нибудь новгородский населенный пункт.

Для прозвища-фамилии *Кучка* и топонима *Кучково* наиболее близкие лингвистические соответствия обнаруживаются, по наблюдениям В.Н. Топорова, в балтских языках,¹⁵⁴ что согласуется, впрочем, и с историческими реалиями бассейна Москвы и южных районов Новгород-

чины. Попытка И.С. Галкина этимологизировать топооснову *куч* из удмуртского языка не удовлетворила самого ученого, признавшего, что “происхождение этой топоосновы трудно объяснимо”.¹⁵⁵

Таким образом, сравнительно-лингвистические наблюдения над гидронимами бассейна реки Вятки, прежде всего, тех ее районов, с которыми связаны предания о местной чуди, с очевидностью свидетельствуют как о явном балтском или прибалтийско-финском происхождении практически всех крупных и средних (Вятка, Кобра/Корба, Летка/Ледка, Пижма, Воя, Вала, Тойма) рек, так (особенно, в случае неясности этимологии) и о довольно широком распространении их тополексических аналогов (Чепца, Хлыновка и др.) в местах бывшего (дославянского) проживания балтоязычных народов или западнофинноязычных¹⁵⁶ чудских людей Заволочья и саамов Беломорья. Наиболее многочисленный пласт вятской топонимии образуют гидронимы с прибалтийско-финским топоформаном *-ла*, который характерен преимущественно для названий сравнительно небольших рек. Кроме того, в бассейне Верхней Вятки (равно как и Верхней Камы) встречаются топонимы, содержащие этноним *чудь*, а в Верхневятско-Чепецком междуречье – *чудские городища* и гидронимы саамского (*Луза*) происхождения. *Чудские городища* и этнотопонимы, в которых выступает этнический термин *чудь*, имеются также в бассейне правого вятского притока Кобра и в Полузье, где распространены и саамские гидронимы.

Изучение вятской гидронимии позволяет заключить, что местная чудь представляла собой этнокультурную общность, состоявшую из балтоязычных и прибалтийско-финноязычных народов, к которым на Верхней Вятке и в Лузско-Летском регионе примыкали саамоязычные племена.

Как уже говорилось, освоение Полузья прибалтийско-финскими и саамскими племенами археологически подтвердила Э.А. Савельева. Археологическое изучение Подгорбуновского городища на правобережье Юга (Подосиновский район Кировской области) привело Л.Д. Макарова к выводу, что “в бассейне р. Юг в начале II тыс. н.э. проживала, очевидно, какая-то группа финно-угорского населения, близкая лузской пермце либо волжским или прибалтийским финнам”.¹⁵⁷ Исследуя в 1982–1983 гг. поселение Искра (правый берег Вятки напротив Котельнича), Л.Д. Макаров выявил 60 керамических фрагментов, орнаментированных решетчатыми штампами, и указал, что решетчатая орнаментация посуды до этого была найдена на Чепце в слоях III в., на Верхней Каме – в погребениях VIII–IX вв., на Пижме – в памятниках второй половины I тыс. н.э., в ветлужских могильниках IX–XI вв., а также в низовьях Камы и даже на Шексне. Несмотря на столь широкую географию распространения керамики с указанным орнаментом, археолог не принял данное обстоятельство во внимание при определении этнической принадлежности слоя: “... Абсолютное преобладание примеси раковины в тесте (что указывает лишь на местные природно-сырьевые особенности, но не на этническую принадлежность. – В.Н.) и чашевид-

ная форма сосудов свойственна керамике пермских (почему им, а не иным туземцам? – В.Н.) народов Камско-Вятского междуречья”. В то же время при раскопках более поздних слоев им обнаружены подпечные и предпечные ямы (распространенные в Новгородчине, Понеманье и в среднеокских поселениях XI–XIII вв.), сосуды с короткой шейкой (аналоги – в Новгородчине и Белозерье XII–XIII вв.) и другие виды керамических изделий, бытовавших в Подмоскowie, Белозерье и Новгородской земле.¹⁵⁸ В целом же следует признать, что археологическое изучение бассейна Вятки в I – начале II тыс. н.э. находится сегодня лишь в начальной стадии, что крайне осложняет изучение этнической истории региона.

Северо-двинская и ветлужско-вятско-камская чужд, составлявшая полиэтническое культурно-территориальное образование Пермь/Бирмию, активно контактировала как друг с другом, так и со скандинавскими народами. В XI–XII вв. в Скандинавию (и Финляндию) вывозились из бассейна Чепцы и Ветлужско-Вятского края лунничные височные кольца с узкой лопастью и длинной дужкой, из Прикамья – огнива с бронзовыми рукоятями. Пермско-финские формы (чашевидные сосуды с многоярусными узорами, покрывающими всю их верхнюю часть) присутствуют в керамических комплексах Белозерья, Ярославского Поволжья и Приладожья. Проникновению прикамской культуры на запад в немалой степени способствовала, по мнению Н.А. Макарова, “этническая близость прибалтийско-финских и восточных финно-угров”,¹⁵⁹ под последними разумею, прежде всего, местные чудские племена.

Примечания

¹ Матузова В.И. Английские средневековые источники IX–XIII вв. Тексты, переводы, комментарий/Отв. ред. В.Т. Пашуто. – М., 1979. – С. 24; также см.: С. 13–15, 20–21, 28–29; Ср.: Хеннинг Р. Неведомые земли/Пер. с нем. Е.К. Краснокуйской и А.Д. Райхштейна. Предисл. и ред. А.Б. Дитма. – М., 1961. – Т. 2. – С. 211–214. Здесь и далее выделено мною.

² Матузова В.И. Английские средневековые источники IX–XIII вв. – С. 32, примеч. 42.

³ Там же. – С. 30, примеч. 39.

⁴ См.: Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги как источник по истории Древней Руси и ее соседей. X–XIII вв.//Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1988–1989 годы/Отв. ред. А.П. Новосельцев. – М., 1991. – С. 132.

⁵ Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе (с древнейших времен до 1000 г.). Тексты, перевод, комментарий/Отв. ред. В.Л. Янин. – М., 1993. – С. 240–242. Также см.: Исландские саги/Ред., вступ. ст. и примеч. М.И. Стеблин-Каменского. – М., 1956. – С.

127; *Снорри Стурлусон*. Круг земной/Изд. подг. А.Я. Гуревич, Ю.К. Кузьменко, О.А. Смирницкая, М.И. Стеблин-Каменский. – М., 1995. – С. 59.

⁶ *Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе (с древнейших времен до 1000 г.). – С. 250.

⁷ *Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги как источник по истории Древней Руси и ее соседей. – С. 28–30.

⁸ Там же. – С. 85–87.

⁹ *Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе (с древнейших времен до 1000 г.). – С. 112–113; Ср.: *Снорри Стурлусон*. Круг Земной. – С. 95.

¹⁰ *Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе (с древнейших времен до 1000 г.). – С. 107–108; *Она же*. Исландские королевские саги по истории Древней Руси и ее соседей. – С. 27–28.

¹¹ *Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе (с древнейших времен до 1000 г.). – С. 114, примеч. 13, 19; см. С. 248–250.

¹² *Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе (первая треть XI в.). Тексты, перевод, комментарий/Отв. ред. В.Л. Янин. – М., 1994. – С. 37.

¹³ Там же. – С. 43.

¹⁴ Там же. – С. 52.

¹⁵ Там же. – С. 53–54.

¹⁶ Там же. – С. 75–78, 174–177; Ср.: *Снорри Стурлусон*. Круг Земной. – С. 283–287, 296–297.

¹⁷ *Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе (первая треть XI в.). – С. 175–176, 197–200.

¹⁸ *Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе (с древнейших времен до 1000 г.). – С. 91.

¹⁹ О тождественности Суртсдалара и Суздальской земли см.: *Джаксон Т.Н.* Суздаль в древнескандинавской письменности// Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1984 год/Отв. ред. А.П. Новосельцев. – М., 1985. – С. 212–228.

²⁰ *Тиандер К.Ф.* Поездки скандинавов в Белое море. – СПб., 1906. – С. 431.

²¹ *Свердлов М.Б.* Сведения скандинавов о географии Восточной Европы в IX–XI вв.//История географических знаний и открытий на севере Европы: Сборник статей. – Л., 1973. – С. 47.

²² *Джаксон Т.Н.* Русский Север в древнескандинавских сагах//Культура Русского Севера/Отв. ред. К.В. Чистов. – Л., 1988. – С. 62; *Она же*. Суздаль в древнескандинавской письменности. – С. 225; *Она же*. Исландские королевские саги о Восточной Европе (с древнейших времен до 1000 г.). – С. 93, примеч. 10; с. 255.

²³ *Джаксон Т.Н.* Суздаль в древнескандинавской письменности. – С. 214–215. Также см.: Древнерусские города в древнескандинавской письменности. Тексты, перевод, комментарий/Сост. Г.В. Глазырина и Т.Н. Джаксон. Отв. ред. А.П. Новосельцев. – М., 1987. – С. 92–93; Рьд-

зевская Е.А. Древняя Русь и Скандинавия в IX—XIV вв. (материалы и исследования)/Отв. ред. И.П. Шаскольский. — М., 1978. — С. 71—72.

²⁴ Шаскольский И.П. Сведения об истории Руси X—XIV вв. в исландских анналах//Вспомогательные исторические дисциплины/Отв. ред. В.А. Шишкин. — СПб., 1994. — С. 234.

²⁵ Джаксон Т.Н. Суздаль в древнескандинавской письменности. — С. 215—221.

²⁶ Там же. — С. 220.

²⁷ Там же. — С. 219. Подробный разбор данных саг о Биармии/Бьярмии см.: Джаксон Т.Н., Глазырина Г.В. Бьярмия в отечественной историографии//Археология и история Пскова и Псковской земли: Тезисы докладов. — Псков, 1986. — С. 62—64; Джаксон Т.Н. Русский Север в древнескандинавских сагах. — С. 58—66.

²⁸ Мельникова Е.А. Древнескандинавские географические сочинения. Тексты, перевод, комментарий/Под ред. В.Л. Янина. — М., 1986. — С. 159.

²⁹ Записки капитана Филиппа Иоганна Страленберга о истории и географии Российской империи Петра Великого. Северная и восточная часть Европы и Азии/Сост. Е.А. Савельева, Ю.Н. Беснятых, В.Е. Возгрин. Отв. ред. М.П. Ирошников. — М.; Л., 1985. — С. 39; см.: с. 17.

³⁰ Татищев В.Н. Собрание сочинений. Т. I. История Российская. Ч. 1. — М., 1994. — С. 108.

³¹ Там же. — С. 175, примеч. 17, 18; см.: с. 249, 432, примеч. 68—68.

³² Там же. — С. 219, 302, 340, 440.

³³ Там же. — С. 251, 283, 425—427.

³⁴ Татищев В.Н. Собрание сочинений. Т. VIII. Работы разных лет. — М., 1996. — С. 202.

³⁵ Бубрих Д.В. Происхождение карельского народа: Повесть о союзнике и друге русского народа на Севере. — Петрозаводск, 1947. — С. 30. Также см.: Тиандер К. О происхождении имени Пермь// Журнал Министерства народного просвещения. — 1901. — Ч. 333 (январь). — Отд. II. — С. 17-24; Пименов В.В. Вепсы. — М.; Л., 1965. — С. 166; Кривошекова-Гантман А.С. Топоним Пермь и энтонимы пермяк, зырянин//250 лет Перми: Материалы научной конференции “Прошлое, настоящее и будущее Перми”. — Пермь, 1973. — С. 83—88; Она же. Откуда эти названия? — Пермь, 1973. — С. 82—83; Агеева Р.А. Страны и народы: Происхождение названий. — М., 1990. — С. 59—61; Коми-зыряне: историко-этнографический справочник/Сост. Н.Д. Конаков. — Сыктывкар, 1993. — С. 12.

³⁶ Житие св. Стефана, епископа Пермского, написанное Епифанием Премудрым. — СПб., 1897. — С. 9.

³⁷ Низов В.В. Епифаний Премудрый о Пермской земле// Христианизация Коми края и ее роль в развитии государственности и культуры (Сборник статей). В 2-х тт. — Сыктывкар, 1996. — Т. I. — С. 190—198.

³⁸ Хронологическая летопись города Устюга Великого /Сост. Я.Я. Фриз//Северный архив: Журнал истории, статистики и путешествий,

издаваемый *Ф. Булгариным*. – СПб., 1822. – Ч. II. – № 11 (июнь). – С. 326. Перепечатана: Руководство к историческому и физическому описанию областного города Устюга Великого/Сообщил *И. Парийский*. – СПб., 1899. – С. 9.

³⁹ *Куза А.В.* Новгородская земля//Древнерусские княжества X–XIII вв./Отв. ред. *Л.Г. Бескровный*. – М., 1975. – С. 164 – 201.

⁴⁰ *Насонов А.Н.* “Русская земля” и образование территории Древнерусского государства: Историко-географическое исследование. – М., 1951. – С. 93–116; *Пименов В.В.* Вепсы. – С. 117–171; *Голубева Л.А.* Вепсы и славяне на Белом озере. X–XIII вв./Отв. ред. *В.В. Седов*. – М., 1973. – С. 5–20, 50–56; *Макаров Н.А.* Русский Север: Таинственное средневековье. – М., 1993. – С. 16–120.

⁴¹ Государственный архив Костромской области. Ф. 179. Оп. 2. Д. 40 (*Дементьев Д.П.* Исторический очерк Пыщугской волости Ветлужского уезда с древних времен. – 1894). Лл. 8–10.

⁴² *Савельев П.С.* Археологические поиски в окрестностях Усть-Сысольска//Журнал Министерства внутренних дел. – СПб., 1852. – Ч. 39. – № 7–9. – С. 165–166.

⁴³ *Архипов Г.А.* Марийцы XII–XIV веков (к этнокультурной истории Поветлужья). – Йошкар-Ола, 1985. – С. 23.

⁴⁴ *Юшко А.А.* Раскопки кургана XI–XII вв. у с. Покров Московской области//Краткие сообщения Института археологии. – М., 1967. – Вып. 110. – С. 48–53.

⁴⁵ *Архипов Г.А.* Марийцы XII–XIV веков. – С. 76–77.

⁴⁶ *Мельникова Е.А.* Древняя Русь в исландских географических сочинениях//Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1975 г./Отв. ред. *В.Т. Паушто*. – М., 1976. – С. 143, 150–151, 154. Также см.: *Некрасов Г.А.* Тысяча лет русско-шведско-финских культурных связей IX–XVIII вв./Отв. ред. *А.А. Преображенский*. – М., 1993. – С. 21.

⁴⁷ *Мельникова Е.А.* Древнескандинавские географические сочинения. – С. 35, 43, 151–156.

⁴⁸ *Фахрутдинов Р.Г.* Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территории. – Казань, 1975. – С. 46–49, 77–78.

⁴⁹ *Иванова М.Г.* Культурные и торговые связи северных удмуртов в начале X – начале XIII вв./Советская археология. – 1974. – № 4. – С. 126; *Она же.* Чепецкие древности. – Устинов, 1985. – С. 94; *Она же.* Этнокультурные связи северных удмуртов в эпоху средневековья//Взаимодействие древних культур Урала: Межвуз сб. научн. тр. – Пермь, 1990. – С. 48.

⁵⁰ *Голдина Р.Д.* Краткий очерк этнической истории удмуртского народа в эпоху железа (по археологическим материалам)// Актуальные проблемы дореволюционной отечественной истории: Материалы научной конференции. – Ижевск, 1993. – С. 6–10. Также см.: *Она же.* Проблемы этнической истории пермских народов в эпоху железа (по археологическим материалам)//Проблемы этногенеза удмуртов (Сб. ст.)/

Отв. ред. *М.Г. Атаманов*. – Устинов, 1987. – С. 20–34; *Она же*. Этническая история пермских народов в эпоху железа (по археологическим материалам)//Материалы VI Международного конгресса финно-угроведов/Отв. ред. *Э.А. Савельева*. – М., 1989. – Т. I. – С. 25–26; *Она же*. Основные этапы истории населения бассейна реки Вятки в эпоху железа (по археологическим материалам)// Вятская земля в прошлом и настоящем (К 125-летию со дня рождения П.Н. Луппова): Тезисы докладов и сообщений/Отв. ред. *Е.И. Кирюхина*. – Киров, 1992. – Т. I. – С. 36–37; *Она же*. Древняя и средневековая история населения бассейна р. Вятки//История и культура Волго-Вятского края (К 90-летию Вятской ученой архивной комиссии): Тезисы докладов и сообщений/Отв. ред. *В.В. Низов*. – Киров, 1994. – С. 44–45; *Она же*. Силуэты растаявших веков. – Ижевск, 1996. – С. 17; Удмурты: Историко-этнографические очерки/Науч. ред. *В.В. Пименов*. – Ижевск, 1993. – С. 22–30; *Иванова М.Г.* Некоторые проблемы этнокультурной истории удмуртов в конце I – начале II тысячелетия н.э.//Проблемы изучения древней истории Удмуртии/Отв. ред. *Л.А. Наговицын*. – Ижевск, 1987. – С. 70–83; *Она же*. Основные этапы этнической истории северных удмуртов//Новые исследования по этногенезу удмуртов: Сб. научн. тр./Отв. ред. *М.Г. Иванова, Н.И. ШUTOва*. – Ижевск, 1989. – С. 5–19; *Она же*. Погребальные памятники северных удмуртов XI–XIII вв. – Ижевск, 1992. – С. 68–81; *Она же*. Истоки удмуртского народа. – Ижевск, 1994. – С. 50–76, 174–178. *Эммаусский А.В.* История Вятского края в XII – середине XIX века. – Киров, 1996. – С. 25.

⁵¹ *Халиков А.Х.* К проблеме этногенеза пермских финнов// Материалы VI Международного конгресса финно-угроведов. – Т. I. – С. 121–130; *Он же*. Некоторые новые аспекты в этногенезе удмуртского народа//Новые исследования по этногенезу удмуртов. – С. 43–50; *Он же*. Вятский край – историко-археологический резерват Волго-Камья// Вятская земля в прошлом и настоящем (К 125-летию со дня рождения П.Н. Луппова). – Т. I. – С. 20–21; *Он же*. Основы этногенеза народов Среднего Поволжья и Приуралья. Ч. I. Происхождение финноязычных народов. – Казань, 1991. – С. 70–89.

⁵² *Низов В.В.* Слободская летопись – неизвестный памятник вятско-го летописания XVII века//Русская культура и мир. Ч. I. Культурология, история, философия, психология: Тезисы докладов участников II Международной научной конференции. – Нижний Новгород, 1994. – С. 68–70.

⁵³ Повесть о стране Вятской/Подг. к изд. *А.С. Верещагин*// ТВУАК. – 1905. – Вып. 3. – Отд. II. – С. 28–35.

⁵⁴ *Низов В.В.* Новгородские ушкуйники: мифы и действительность// История и культура Волго-Вятского края. – С. 13–19.

⁵⁵ *Архипов Г.А.* Основные этапы этногенеза марийцев//Древние этнические процессы Волго-Камья. – Йошкар-Ола, 1985. – С. 5–21; *Он же*. Проблемы ранней этнической истории марийцев//Археология и этнография Марийского края. Вып. 14. Этногенез и этническая история

марийцев. – Йошкар-Ола, 1988. – С. 56–78; *Сенеев Г.А.* Марийцы//Народы Поволжья и Приуралья. Историко-этнографические очерки./Отв. ред. *Р.Г. Кузеев.* – М., 1985. – С. 144–146; *Халиков А.Х.* Основы этногенеза народов Среднего Поволжья и Приуралья. Ч. I. – С. 49–69.

⁵⁶ *Сорокин П.М.* Чудь Кайского края. – Вятка, 1895. – С. 23–26, 31–32, 37–60; *Спицын А.А.* Чудские древности в Зюздинском крае//ВГВ. – 1889. – № 60–62; *Он же.* Приуральский край. Археологические разыскания о древнейших обитателях Вятской губернии//Материалы по археологии восточных губернии России. – М., 1893. – Вып. I. – С. 67–77, 83–84.

⁵⁷ *Иванов А.П.* Материалы к антропологии Пермского края//Труды общества естествоиспытателей при Казанском университете. – 1881. – Т. X. – Вып. 1. – С. 10.

⁵⁸ *Сорокин П.М.* Чудь Кайского края. – С. 44; *Он же.* Следы чуди в Слободском уезде Вятской губ.//Археологические известия и заметки. – М., 1895. – № 11. – С. 361–365.

⁵⁹ *Добровольский Н.* Клады в Орловском уезде//ВГВ. – 1883. – № 13. – С. 4; *Он же.* Пермьяки: Бытовой и этнографический очерк//Вестник Европы. – СПб., 1883, март. – С. 235–236.

⁶⁰ *Спицын А.А.* К истории вятских инородцев//Календарь Вятской губернии на 1889 год. – Вятка, 1888. – С. 207; *Он же.* Вещественные памятники древнейших обитателей Вятского края//Календарь Вятской губернии на 1890 год. – Вятка, 1889. – С. 102–105; *Он же.* Приуральский край. – С. 188–191.

⁶¹ *Спицын А.А.* К истории вятских инородцев. – С. 207; *Он же.* Вещественные памятники древнейших обитателей Вятского края. – С. 116–118; *Он же.* Приуральский край. – С. 143–151.

⁶² *Алабин П.* Заметка относительно древностей Вятского края//ВГВ. – 1865. – № 54. – С. 190.

⁶³ *Верещагин Г.Е.* Вотяки Сосновского края//Записки Имп. Русского географического общества по отделению этнографии. – СПб., 1886. – Т. 14. – Вып. 2. – С. 103–106; ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 1022. Л. 29.

⁶⁴ Мифы, легенды и сказки удмуртского народа/Лит. обр. *Н.П. Крапиной.* – Устинов, 1986. – С. 57–63.

⁶⁵ *Смирнов Ю.И.* Предания Европейского Севера о чуди//Проблемы изучения финно-угорского фольклора. – Саранск, 1972. – С. 61, примеч. 3; *Акцорин В.А.* Проблемы истории феодального периода Вятского края по данным фольклора//Вятская земля в прошлом и настоящем (К 500-летию вхождения в состав Российского государства): Тезисы докладов и сообщений. – Киров, 1989. – С. 272; *Он же.* О контактах марийцев с предками коми по данным легенд//Вопросы финно-угроведения. – Вып. 2. – С. 118.

⁶⁶ *Майданова Л.М.* Ареалы финно-угорской этнонимии Урала//Вопросы топониматики. – Свердловск, 1962. – Вып. III. – С. 31; *Оборин В.А.* Соотношение легенд о чуди с коми-пермяцкими преданиями и их историческая основа//Вопросы лингвистического краеведения Прикамья. – Пермь, 1974. – Вып. 1. – С. 107–120.

⁶⁷ *Ожегова М.Н.* Коми-пермяцкие предания о Кудым-Оше и Перебогатыре. – Пермь, 1971; *Она же.* Исторические основы коми-пермяцкого предания “О Кудым-Оше”//Проблемы изучения финно-угорского фольклора. – С. 63–73; *Она же.* К истории собирания и изучения коми-пермяцких преданий//Фольклор и литература Урала. Вып. 2. – Пермь, 1975. – С. 30–31; *Климов В.* Заметки к преданиям о чуде//Вопросы лингвистического краеведения Прикамья. – С. 121–123.

⁶⁸ Предания реки Чусовой//Сост. и автор статей *В.П. Кругляшова*//Уч. зап. Уральского университета. Вып. 18 (фольклорный). – Свердловск, 1961. – С. 14–17, 27–28.

⁶⁹ *Белдыцкий Н.* Очерки Вишерского края. – Пермь, 1899. – С. 2–6.

⁷⁰ *Атаманов М.Г.* Из истории расселения воршудно-родовых групп удмуртов//Материалы по этногенезу удмуртов. – Ижевск, 1982. – С. 101–104; *Он же.* Микроэтнонимы удмуртов//Микроэтнонимы удмуртов и их отражение в топонимии: Сб. ст./Отв. ред. *В.К. Кельмаков.* – Ижевск, 1980. – С. 29–33; *Он же.* Удмуртская ономастика. – Ижевск, 1988. – С. 41–42; Также см.: *Верещагин Г.Е.* Вотяки Сарапульского уезда Вятской губ.//Записки Ими. Русского географического общества по отделению этнографии. – СПб., 1889. – Т. XIV. – Вып. 3. – С. 13; *Белых С.К.* Чудь в этнической истории пермских народов//Христианизация Коми края и ее роль в развитии государственности и культуры. – Т. I. – С. 48–51.

⁷¹ *Атаманов М.Г.* Заселение бассейна Вятки по данным этнотопонимики//Congressus septimus internationalis Fenno-Ugristarum. 2 A. Summaria dissertationum Linqvistica. Debrecen, 27. VIII – 2.IX.1990. – Debrecen, 1990. – S. 20.

⁷² Вятская губерния. Списки населенных мест по сведениям 1859–1873 гг. – СПб., 1878.

⁷³ *Архипов Г.А.* К изучению лексических особенностей Слободского говора удмуртского языка//Пермистика: Вопросы диалектологии и истории пермских языков. Сб. ст. – Ижевск, 1987. – С. 84–87.

⁷⁴ *Атаманов М.Г.* Удмуртская ономастика. – С. 19–20. *Э.М. Мурзаев* тоже считает гидроним *Вятка* производным от этнонима *Ватка*, о чем см.: *Мурзаев Э.М.* Топонимика и география. – М., 1995. – С. 134–135. Исследователь неоправданно доверился брошюре *Д.М. Захарова* (Серебряная Вятка. Рассказы о названиях. – Киров, 1990. – С. 3–36), рассуждения которого о Вятке видный тюрколог *И.Г. Добромов* метко назвал “гелертерскими” (*Добродомов И.Г.* Нукрат (татарское название Вятки)//История и культура Волго-Вятского края (К 90-летию Вятской ученой архивной комиссии). – С. 280.).

⁷⁵ Удмурты: Историко-этнографические очерки. – С. 28.

⁷⁶ *Горский А.Д.* Сельское хозяйство и промыслы//Очерки русской культуры XIII–XV веков. Ч. I. Материальная культура/Гл. ред. *А.В. Арциховский.* – М., 1969. – С. 115–130; *Копанев А.И.* Крестьянство Русского Севера в XVI в. – Л., 1978. – С. 168–173; История северного крестьянства. Т. I. Крестьянство Европейского Севера в период феодализ-

ма/Гл. ред. *В.Т. Пашуто*. – Архангельск, 1984. – С. 49–53; *Владыкин В.Е.* Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. – Ижевск, 1994. – С. 36–41.

⁷⁷ Былые ареалы распространения фауны (в том числе и “бобровой”) отражают, как правило, названия небольших и мелких речек, озер и даже ручьев, о чем см.: *Любимова Е.Л., Мурзаев Э.М.* Топонимистические свидетельства географических условий прошлого Русской равнины//Современные проблемы географии. – М., 1964. – С. 303–309; *Вендина Т.И.* Гидронимы фитонимического и зоонимического происхождения //Топонимика. – М., 1971. – Вып. 5. – С. 20–22; *Агеева Р.А.* Происхождение имен рек и озер/Отв. ред. *Э.М. Мурзаев*. – М., 1985. – С. 19–25.

⁷⁸ Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XV веков. – М., 1951. – Ч. I. – С. 154–155.

⁷⁹ *Агеева Р.А.* Гидронимия Русского Северо-Запада как источник культурно-исторической информации/Отв. ред. *Н.И. Толстой*. – М., 1989. – С. 188–189; *Смолицкая Г.П.* Гидронимия бассейна Оки (Список рек и озер). – М., 1976. – С. 40.

⁸⁰ *Серебрянников Б.А.* Волго-Окская топонимика на территории Европейской части СССР//Вопросы языкознания. – 1955. – № 6. – С. 19–31; *Седов В.В.* Балтская гидронимика Волго-Окского междуречья //Древнее поселение в Подмосковье. – М., 1971. – С. 99–113; *Он же.* Гидронимические пласты и археологические культуры Центра//Вопросы географии. – Сб. № 94. Топонимия Центральной России. – М., 1974. – С. 19–33.

⁸¹ *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. – М., 1986. – Т. I. – С. 376–377. Близкие суждения высказали: *Афанасьев А.П.* Западные и юго-западные границы гидронимов пермского типа//Труды Института языка, литературы и истории Коми филиала АН СССР. Вып. 36. Проблемы этногенеза народа коми. – Сыктывкар, 1985. – С. 74–77; *Он же.* Пермь, саран и одо (воть, ветьке, вьда, вятичи)//Этническая топонимика. – М., 1987. – С. 111–112; *Барашков В.Ф.* Гидроним *Вятка*//Этимологические исследования: Сб. науч. тр. – Свердловск, 1988. – [Вып. 4]. – С. 84–87.

⁸² *Ивановский А.А.* Географические имена. – М., 1914. – С. 47–50.

⁸³ *Агеева Р.А.* Проблемы межрегионального исследования топонимики балтийского происхождения на восточно-славянской территории//Балто-славянские исследования, 1990. – М., 1991. – С. 144–146; *Она же.* Гидронимия Русского Северо-Запада как источник культурно-исторической информации. – С. 189.

⁸⁴ *Макарова Л.Н.* Древние наименования города Кирова (Вятка – Хлынов)//Этимологические исследования: Сб. науч. тр. – Свердловск, 1984. – С. 138–141; Перепечатана в сокращении под тем же названием: Вятская земля в прошлом и настоящем (К 125-летию со дня рождения П.Н. Луппова): Тезисы докладов и сообщений. Киров, 1992. – Т. II. С. 7–8; *Она же.* В Вятке серебра нет//Выбор. – 1993. – № 14. – С. 8.

⁸⁵ Русский фольклор Удмуртии. – Ижевск, 1990. – С. 104.

- ⁸⁶ РГАДА. Ф. 1113. Оп. 1. Д. 10. Лл. 781—782 об.
- ⁸⁷ Грамоты и акты Уржумского Спасского Цепочкина монастыря 1645—1694 гг./Предисл. А.А. *Замятина*//ТВУАК. — 1913. — Вып. 3—4. — Отд. 3. — С. 2, 13.
- ⁸⁸ *Кривощечкова-Гантман А.С.* Откуда эти названия? — Пермь, 1973. — С. 39.
- ⁸⁹ *Брюсов А.Я.* История древней Карелии//Труды Государственного исторического музея. — Вып. IX. — М., 1940. — С. 264.
- ⁹⁰ Произведения народной словесности, обряды и поверья вотяков Казанской и Вятской губерний/Записаны, переведены и изложены *Б. Гавриловым* во время командировки его в вотяцкие селения Казанской и Вятской губерний. — Казань, 1880. — С. 152.
- ⁹¹ *Владыкин В.Е.* Удмурты//Вопросы истории. — 1969. — № 11. — С. 215.
- ⁹² *Вештомов А.И.* История вятчан со времени поселения их при реке Вятке до открытия в сей стране наместничества, или с 1181 по 1781-й год через 600 лет. — Казань, 1907. — С. 23, примеч. 2.
- ⁹³ *Макарова Л.Н.* Древние наименования города Кирова (Вятка-Хлынов). — С. 135—137. Об истории топонима см.: *Низов В.В.* К истории названий “Хлынов”, “Вятка” и “Вятская земля”//Вторая Всесоюзная научно-практическая конференция “Исторические названия — памятники культуры”. Сборник материалов. — М., 1991. — Вып. 2. С. 124.
- ⁹⁴ *Мошкина Е.Н.* Еще раз о древнем наименовании города Кирова — “Хлынов”//История и культура Волго-Вятского края. — 281—284.
- ⁹⁵ Повесть о стране Вятской. — С. 34; 35.
- ⁹⁶ *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. — М., 1994. — Т. IV. — Стлб. 1194.
- ⁹⁷ *Захаров Д.М.* Серебряная Вятка. — С. 37—50.
- ⁹⁸ *Мошкина Е.Н.* Еще раз о древнем наименовании города Кирова — “Хлынов”. — С. 281—283.
- ⁹⁹ *Сытин П.В.* Откуда произошли названия улиц Москвы. — М., 1959. — С. 317; *Подольская Н.В.* Урбанонимия Центральных областей РСФСР//Вопросы географии. — М., 1974. — № 94. — С. 125.
- ¹⁰⁰ Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI веков. — М., 1951. — Ч. I. — С. 49; *Снегирев И.М.* Москва. Полное историческое и археологическое описание города. — М., 1875. — Т. I. — С. 7, 26, 117, 168—170; *Мартынов А.* Названия московских улиц и переулков с историческими объяснениями. — М., 1888. — С. 221—222; *Фехнер М.В.* Москва и ее ближайшие окрестности в XV — начале XVI века// Материалы и исследования по археологии СССР. — М.; Л., 1949. — № 12. — С. 114.
- ¹⁰¹ *Шумаков С.* Сотницы, грамоты и записи. — М., 1904. — Вып. 3. — С. 6.
- ¹⁰² *Шумаков С.* Сотницы, грамоты и записи. — М., 1902. — Вып. 1. — С. 140.
- ¹⁰³ Социально-правовое положение северного крестьянства (досоветский период)/Отв. ред. *П.А. Колесников.* — Вологда, 1981. — С. 153, 159; *Воскобойникова Н.П., Колесников П.А.* Сотная из писцовых книг

Д.Г. Бельского на посад Устюжны Железопольской 1597 г.//Крестьянство Севера России в XVI в.: Межвуз. сб. науч. тр. – Вологда, 1984. – С. 144–145.

¹⁰⁴ *Топоров В.Н. и Трубочев О.Н.* Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. – М., 1962. – С. 163.

¹⁰⁵ *Матвеев А.К.* Происхождение основных пластов субстратной топонимики Русского Севера//Вопросы языкознания. – 1969. – № 5. – С. 43.

¹⁰⁶ Историко-филологический сборник Коми филиала АН СССР. – Сыктывкар, 1958. – Вып. 4. С. 245–246.

¹⁰⁷ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов/ Под ред. и с предисл. *А.Н. Насонова*. – М.; Л., 1950. – С. 183.

¹⁰⁸ В этой связи представляется необоснованным суждение *А.И. Туркина*, объясняющего гидроним *Сысола* из наречий пермского языка, о чем см.: *Туркин А.И.* Топонимический словарь Коми АССР. – Сыктывкар, 1986. – С. 109–110. *А.П. Афанасьев*, оговорившись, что “надежной этимологии ни рус. официальной, ни местной коми формы названия реки нет”, допускает финское происхождение *Сысолы* (*Афанасьев А.П.* Топонимия Республики Коми: Словарь-справочник. – Сыктывкар, 1996. – С. 141–142).

¹⁰⁹ *Матвеев А.К.* Историко-этимологические разыскания//Ученые записки Уральского университета. Вып. 36. Языкознание. – Свердловск, 1960. – С. 113, 117; *Туркин А.И.* Топонимический словарь Коми АССР. – Сыктывкар, 1986. – С. 46; *Афанасьев А.П.* Топонимия Республики Коми: Словарь-справочник. – Сыктывкар, 1996. – С. 75.

¹¹⁰ Историко-филологический сборник. – Вып. 4. – С. 246.

¹¹¹ *Захаров Д.М.* Кобра или Корба? (О происхождении кировских географических названий к северу от реки Вятки: Кобра, Луза, Молома и др.)//Вятка: Краеведческий сборник. – Киров, 1987. – Вып. VIII. – С. 144–153.

¹¹² Книга вяцких пригородков Слобощого да Шестакова посадов и уездов письма и меры Ивана Борисовича Доможирова да подъячего Ивана Кокушкина 137 (1629) года//ТВУАК. – 1916. – Вып. 3–4. – Отд. II. – С. 279, 305.

¹¹³ *Афанасьев А.П.* Топонимия Республики Коми. – С. 89.

¹¹⁴ *Матвеев А.К.* Происхождение основных пластов субстратной топонимии Русского Севера//Вопросы языкознания. – 1969. – № 5. – С. 48–49.

¹¹⁵ *Матвеев А.К.* Историко-этимологические разыскания. – С. 113; *Чайкина Ю.И.* Географические названия Вологодской области. Топонимический словарь. – Архангельск, 1988. – С. 131.

¹¹⁶ ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 576. Лл. 106–108, 121–122; Д. 686. Л. 74 об.

¹¹⁷ Северный археографический сборник. Вып. 2. Северные писцовые книги, сотницы и платежницы XVI в. – Вологда, 1972. – С. 298, 299, 314.

¹¹⁸ *Поспелов Е.М.* Школьный топонимический словарь. – М., 1988. – С. 47.

¹¹⁹ Улуханов И.С. Происхождение названия *Волга*//Вопросы географии. Сб. 70. Изучение географических названий. – М., 1966. – С. 105–107.

¹²⁰ Писцовая книга 1629 года Хлыновского уезда тома и меры А. Толочонова да подъячего И. Ивлева//ТВУАК. – 1914. – Вып. 1. – Отд. 2. – С. 117.

¹²¹ Матвеев А.К. Географические названия Урала. Краткий топонимический словарь. – Свердловск, 1980. – С. 160; Туркин А.И. Прибалтийско-финский и саамский компонент в этногенезе народа коми//Труды института языка, литературы и истории Коми филиала АН СССР. Вып. 36. Проблемы этногенеза народа Коми. – Сыктывкар, 1985. – С. 64; Ср.: Афанасьев А.П. Топонимия Республики Коми. – С. 93.

¹²² Историко-филологический сборник. – Вып. 4. – С. 246.

¹²³ Кириллова Л.Е. Микропонимия бассейна Валы (в типологическом освещении)/Науч. ред. В.К. Кельмаков. – Ижевск, 1992. – С. 108.

¹²⁴ Туркин А.И. Прибалтийско-финский и саамский компонент в этногенезе народа коми. – С. 59–67; Он же. Этногенез народа коми по данным топонимии и лексики. – Таллин, 1985. – С. 13–19. Конспективное изложение первой статьи А.И. Туркина см.: Мусанов А.Г. Прибалтийско-финский компонент в топонимике Прилузья//Коми-пермяки и финно-угорский мир: Тезисы докладов и выступлений на международной конференции. Кудымкар, 26–28 мая 1995 г. – Сыктывкар, 1995. – С. 78–80.

¹²⁵ Историко-филологический сборник. – Вып. 4. – С. 246.

¹²⁶ Савельева Э.А. Лузская Пермца. – Сыктывкар, 1972. – С. 4–25.

¹²⁷ Лыткин В.И. Вепско-карельские заимствования в коми-зырянских диалектах//Академику В.В. Виноградову к его шестидесятилетию. – М., 1956. – С. 182–187; Он же. Историческая грамматика коми языка. – Сыктывкар, 1957. – Ч. 1. – С. 36; Он же. К вопросу о прибалтийско-финских заимствованиях в коми-зырянских диалектах //Труды Карельского филиала АН СССР. – М; Л., 1963. – Вып. 24. – С. 5; Жилина Т.И. О говоре села Слудка//Историко-филологический сборник Коми филиала АН СССР. – Сыктывкар, 1956. – Вып. 3; Она же. Южные коми-зырянские диалекты и коми-пермяцкий язык// Ленинская национальная политика в действии: Тезисы научной конференции. – Сыктывкар, 1971. – С. 204–206; Она же. Марийские и удмуртские соответствия в лексике лузско-летского диалекта коми языка//Труды Института языка, литературы и истории Коми филиала АН СССР. Вып. 22. Вопросы лексикологии коми языка. – Сыктывкар, 1979. – С. 30–33; Она же. Лузско-летский диалект коми языка. – М., 1980. – С. 3–118. Также см.: Жеребцов Л.Н. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами X – начала XX вв. – М., 1982. – С. 38–40.

¹²⁸ ГАКО. Ф 574. Оп. 1. Д. 480. Л. 220.

¹²⁹ Поспелов Е.М. Школьный топонимический словарь. – С. 194.

¹³⁰ *Матвеев А.К.* Субстратная топонимика Русского Севера// Вопросы языкознания. – 1964. – № 2. – С. 71; *Он же.* Происхождение основных пластов субстратной топонимии Русского Севера. – С. 42–43; *Туркин А.И.* Вепско-карельская топонимия в бассейне Вычегды// Советское финно-угроведение. – 1973. – № 1. – С. 12.

¹³¹ *Матвеев А.К.* Древнее саамское население на территории севера Восточно-Европейской равнины//К истории малых народностей Европейского Севера СССР. – Петрозаводск, 1979. – С. 9; *Муллонен И.* Очерки вепской топонимики. – СПб., 1994. – С. 121.

¹³² *Галкин И.С.* Кто и почему так назвал. Рассказы о географических названиях Марийского края. – Йошкар-Ола, 1991. – С. 99.

¹³³ *Попов А.И.* Топонимика Белозерского края// Ученые записки ЛГУ. Сер. востоковед. наук. – Л., 1948. – Вып. 2. – С. 106; *Агеева Р.А.* Гидронимия Русского Северо-Запада как источник культурно-исторической информации. – С. 223.

¹³⁴ ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 611. Лл. 12, 13.

¹³⁵ Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Костромская губерния/Сост. *Я. Крживоблоцкий.* – СПб., 1861. – С. 49.

¹³⁶ *Галкин И.С.* Кто и почему так назвал. – С. 144–145.

¹³⁷ *Керт Г., Мамонтова Н.* Загадки карельской топонимики. Рассказ о географических названиях Карелии. – Петрозаводск, 1982. – 94–96; *Горбаневский М.В., Дукельский В.Ю.* По городам и весям “Золотого кольца”. – М., 1983. – С. 121–122; *Чайкина Ю.И.* Географические названия Вологодской области. – С. 253; *Галкин И.С.* Кто и почему так назвал. – С. 144–145.

¹³⁸ *Матвеев А.К.* Происхождение основных пластов субстратной топонимики Русского Севера. – С. 43; *Он же.* Методы топонимических исследований. – Свердловск, 1986. – С. 67; *Агеева Р.А.* Гидронимия Русского Северо-Запада как источник культурно-исторической информации. – С. 214.

¹³⁹ *Матвеев А.К.* Происхождение основных пластов субстратной топонимии Русского Севера. – С. 43; Ср.: *Атаманов М.Г.* Удмуртская ономастика. – С. 59; *Кириллова Л.Е.* Микротопонимия бассейна Валы. – С. 108–109.

¹⁴⁰ *Тихомиров М.Н.* Где и когда было написано “Слово о погибели Русской земли”//Труды Отдела древнерусской литературы. – М.; Л., – 1951. – Т. 8. – С. 235–237; *Бегунов Ю.К.* Памятник русской литературы XIII века: “Слово о погибели Русской земли”. – М.; Л., 1965. – С. 89–91, 119–120, 154–157.

¹⁴¹ *Афанасьев А.П.* Топонимия Республики Коми. – С. 144.

¹⁴² РГАДА. Ф. 1209. Кн. 1059. Л. 33.

¹⁴³ Там же. – Л. 34 об.

¹⁴⁴ Писцовая книга 1629 года Хлыновского уезда... – С. 37.

¹⁴⁵ Там же. – С. 39.

¹⁴⁶ Там же. – С. 32, 38, 39.

¹⁴⁷ РГАДА. Ф. 1209. Кн. 1032. Лл. 91 об. – 92.

¹⁴⁸ Книга вяцких пригородков Слобощкого да Шестакова посадов и уездов ... 137 (1629) году. – С. 182; см.: с. 172.

¹⁴⁹ ПСРЛ. – М., 1962. – Стлб. 282; Т. 2. – Стлб. 600, 602; Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. – М., Л., – 1950. – С. 198, 342, 381, 424.

¹⁵⁰ См.: *Кривошеев Ю.В.* Некоторые спорные вопросы историографии и источниковедения начала Москвы//Актуальные проблемы историографии дореволюционной России: Межвуз. сб. науч. тр. – Ижевск, 1992. С. 41–51.

¹⁵¹ *Веселовский С.Б.* Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. – М., 1974. – С. 175.

¹⁵² Цит. по: *Зализняк А.А.* Древненовгородский диалект. – М., 1995. – С. 300.

¹⁵³ *Янин В.Л.* Новгородские берестяные грамоты Михаило-Архангельского раскопа (1990 г.)//Археологические вести. – СПб., 1993. – № 2. – С. 117–129; *Он же.* К 40-летию открытия берестяных грамот//Археографический ежегодник за 1991 год. – М., 1994. – С. 21–22; *Зализняк А.А.* Древненовгородский диалект. – С. 300–301.

¹⁵⁴ *Топоров В.Н.* Древняя Москва в балтийской перспективе//Балтославянские исследования, 1981. – М., 1982. – С. 44.

¹⁵⁵ *Галкин И.С.* Кто и почему так назвал. – С. 71–72.

¹⁵⁶ Едва ли первой М.П. Веске пришла к выводу, что “заволочская чудь (карелы и ямь) говорила на прибалтийско-финском языке” (*Веске М.П.* Славяно-финские культурные отношения по данным языка//Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. – 1895. – Т. VIII. – Вып. I. – С. 8–11; Также см.: *Агеева Р.А.* Страны и народы: происхождение названий. – М., 1990. – С. 86–115. Без какой-либо аргументации и сносок на литературу Ф.Г. Гарипова утверждает, что жители Биармии скандинавских саг “были болгаро-биярского происхождения” (*Гарипова Ф.Г.* Исследования по гидронимии Татарстана. – М., 1991. – С. 153).

¹⁵⁷ *Макаров Л.Д.* Подгорбуновское городище – многослойный памятник в бассейне Северной Двины//Памятники железного века Камско-Вятского междуречья: Межвуз. сб. науч. тр. – Ижевск, 1984. – С. 66–79.

¹⁵⁸ *Макаров Л.Д.* Поселение Искра – новый памятник в бассейне Средней Вятки//Памятники железного века Камско-Вятского междуречья: Сб. науч. тр. – Ижевск, 1984. – Вып. 2. – С. 94–113.

¹⁵⁹ *Макаров Н.А.* О некоторых пермско-финских элементах в культуре Северной Руси (находки лунных височных колец на Руси и в Скандинавии)//Новые исследования по этногенезу удмуртов: Сб. науч. тр. – Ижевск, 1989. – С. 51–64.